

**ПЕСНЯ «ФÆЗЗÆДЖЫ ЗАРÆГ» (‘ПЕСНЯ ОСЕНИ’)
В КАЛЕНДАРНОЙ ОБРЯДНОСТИ ОСЕТИН: К ПРОБЛЕМЕ
ТИПОЛОГИИ И МУЗЫКАЛЬНОЙ СТИЛИСТИКИ**

Д. М. Дзлиева

Осетинский народный календарь не раз становился объектом научных изысканий, однако музыкальная составляющая обряда оставалась за рамками научного интереса исследователей. В настоящей статье впервые рассматриваются музыкально-поэтические особенности песни «Фæззæджы зарæг» (букв. Осенняя песня), исполняемой во время праздника в честь первого выхода на покос.

Источниками для проведения исследования послужили образцы из сборников «Ирон адæмон сфæлдыстад», «Памятники народного творчества осетин», «Осетинские народные песни» под редакцией Е. Гиппиуса и Б. Галаева, а также материалы из Научного архива СОИГСИ. Музыкальный материал «Фæззæджы зарæг» представлен как в Научном архиве СОИГСИ, так и в сборнике «Осетинские народные песни».

Объектом внимания в статье являются музыкально-поэтические особенности «Осенней песни». В рамках исследования проведен анализ порядка 10 образцов. Отмечено музыкально-поэтическое своеобразие, отдельное внимание уделено ладогармоническим, ритмическим и мелодическим особенностям песни. Общие наблюдения касаются также и динамики исторического развития, связанной с угасанием культа и потерей контекстов исполнения обрядовой песни.

Анализ музыкальной составляющей осеннего праздника в честь начала сенокоса дает возможность сделать выводы о том, что песня являлась ритуально-магической и пелась с верой в вербальную магию. Также в песне употребляются и призывы к работе, восхваления трудолюбивых и высмеивание ленивых. Музыкально-типологический анализ выявляет единый музыкальный тип «Фæззæджы зарæг», который характеризуется едиными ладогармоническими показателями.

Публикация снабжена рисунками, схемами и нотными примерами. Нотный материал вводится в научный оборот впервые.

Ключевые слова: музыкальный фольклор, народный календарь осетин, календарно-обрядовые песни, осетинская этномузыкалогия.

Испокон веков в результате одушевления различных сил природы у каждого народа складывались свои особенные календарные комплексы. Как известно, структура народного календаря представляет собой переплетение множества календарей: солнечного, лунного, вегетативного;

земледельческого, скотоводческого, охотничьего; брачного поминального и т. д. [1, 422]. Известный в настоящее время осетинам народный календарь представляет собой архаичную (дохристианскую) систему с влияниями православной и мусульманской культур [2]. Основными временными ориентирами служат константные даты (летнее и зимнее солнцестояние, весеннее и осеннее равноденствие). После принятия христианства имена покровителей, многие народные праздники, их атрибуты и даже названия стали принимать черты православия, однако осмысление и интерпретация отправляемых культов оставались неизменны [2]

По словам информантов, а также как указывают более ранние исследования, празднества, устраиваемые в значимые календарные даты, представляли собой синкретические действия, включающие молитвословия, песни и хореографические элементы [3]. С течением времени, особенно в постреволюционную и советскую эпоху, аграрные обряды и празднества стали терять свою актуальность. Культовые песни стали выходить за рамки календарной обрядности и в настоящее время существуют лишь во вторичных формах фольклора.

Жанр **летне-осенних земледельческих песен** в рамках народного календаря осетин представлен двумя основными циклами: один направлен на подготовку и увеличение урожая, другой приурочен ко времени его уборки. **Обрядовые песни**, исполняемые во время жатвенных обрядовых комплексов, и **трудовые песни**, приуроченные к периоду времени, в рамках которого совершались различные земледельческие и полевые работы.

Жатвенный обрядовый комплекс у осетин начинался с праздника *Атынæг* (нпрвд)/*Цыргъисæн* (букв. взятие остря) *диг. Цыргъисæн/Хæлмæвналæн/Халывыйæн/Хоска*, к которому был приурочен «согласованный выход сельского общества на сенокос» [4, 193].

В основе жатвенной обрядности осетин лежит единый круг мифологических представлений, реализуемый в зависимости от локальной традиции. Например, *Атынæг* (нпрвд.) как покровитель плодородия сенокоса и жатвы почитался в Алагирском, Куртатинском, Тагаурском, Рукском ущельях и т. д. Тогда как в каждом населенном пункте Дигорского ущелья существовали свои покровители сенокоса и жатвы: «Узумаг — в сел. Вакац, Задалески Нана — в сел. Задалеск, Ханази Уацелла — в сел. Хæназ, Гулари Габона — в сел. Дзинага, Хоска («хос» – сено, ка «карст» — скошенный) — в сел. Ацоиага и т. д.» [4, 194]. По мнению профессора В. И. Абеева, культ в честь *Атынæг* был намного древнее самого названия, которое восходит к имени святого Афиногена, епископа Севастийского. «Были ли в житии Севастийского епископа какие-либо черты, которые давали бы повод приписать ему функции растительного божества, нам неизвестно. Возможно, что в этой трансформации повинно простое совпадение календарных дат» [5, 327].

Традиционно перед началом сенокоса устраивали общесельский праздник, на котором присутствовала только растительная и молочная пища. Приступившие к сенокосу раньше этого праздника подвергались по решению сельской общины штрафу, а иногда и бойкоту — *хъоды*. День праздника приходился на воскресенье спустя одну-две недели после праздника *кæхцгæнæн* (праздник в честь новорожденных мальчиков, устраиваемый в июле), однако, по мнению Л. Чибирова, в прошлом этот праздник был приурочен ко дню летнего солнцестояния [4, 196].

К летне-осеннему периоду традиционного осетинского календаря относится также и праздник *Хоры сæры куывд/Хуарисар* (диг.) (пир первой созревшей части урожая) — праздник посвященный началу уборки урожая, в рамках которого совершались моления в благодарность за ниспосланные блага. Как отмечают исследователи, этот праздник «был известен повсеместно в Северной и Южной Осетии за исключением равнинных районов, где он назывался «быдыры Тæтæртупп» со святилищем близ сел. Эльхотово и кахетинских осетин, которым был известен под названием «хорахадаентае» (букв, «хор» – зерно, урожай, «ахадын» – неистощимый, производительный)» [4, 202–203]. *Хоры сæры куывд* символизировал завершение осенне-полевых работ и сбора урожая. Согласно этнографическим источникам, «во второй половине дня пиршество сопровождалось пением обрядовых песен, посвященных изобильной осени» [6, 100].

Группа **осенних песен** достаточно представительна по количеству имеющихся записей. Образцы были найдены как в публикациях, так и в архивных источниках. К сожалению, достоверной информации о приуроченности песен к конкретным праздникам ни в этнографической литературе, ни у информантов нам узнать не удалось. Однако аналитические обобщения музыкально-поэтических особенностей, сделанные нами в ходе настоящей работы, дают возможность предполагать, что осенние обрядовые песни, объединенные названием *Фæззæджы зарæг* ('Песня осени')/*Устур фæззæги зар* ('Песня великой осени'), исполнялись в праздник, посвященный началу сенокоса, а также во время возвращения с полевых работ.

Ведущим свойством поэтики песен *Фæззæджы зарæг* ('Песня осени')/*Устур фæззæги зар* ('Песня великой осени') является воспевание богатой на урожай осени:

*Устур фæззæг æрцудæй,
Æ хæццæ амонд æрхаста.*

Уæ, фæззæг, ци хуарз æй!

Бæркадгун фæззæг, бæркадгун!

Гъолистæвдæн мæнæугæй гъæздуг æй.

[7, 69].

Великая осень настала,

С собою счастье принесла.

О, осень, как хороша она!

Обильна она, обильна!

Богата она пшеницей, с запястье толщиной.

[7, 230].

*Уо, устур фæззæг,
Уо, гъæздуг фæззæг,
Уо, æрацо нин, æрацо!* [7, 69].

О, великая осень,
О, щедрая осень,
О, приди к нам, приди!

 [7, 230].

*Истур фæззæг æрцудæй,
Фæззæг ци хуарз æй!
Фæззæг ци гъæздуг æй!* [8, 282]

Пришла великая осень.
Как хороша, осень!
Как богата, осень! [пер. Д. Дзлиева]

*Гъæйтт, хорз фæззæг, хорз фæззæг,
Амондимæ нæм рацу, цæй!
Дæ бæрæчет нын царды хос.* [8, 326]

Гэй, хорошая осень, хорошая осень,
Принеси нам счастье!
Твое изобилие нам жизненное лекарство.
[пер. Д. Дзлиева]

В характеристике образа осени используются такие эпитеты как: *устур* — великая [7, 75]; *бæркадгун* — обильная [7, 74]; *гъæздуг* — богатая [7, 230]; *сызгъæрин* — золотая [7, 231]; *хуарз* — хорошая [8, 326].

Чаще всего осень предстает как радость и изобилие приносящая — для трудолюбивых, а горе и бездолье — для ленивых:

*Хуарз лæхъуæнтæ имæ ирæзгæ кæнунцæ,
Лæгъуэтæ ба имæ ивайгæ кæнунцæ.* [7, 74].

Хорошие юноши с радостью ждут осени,
Плохие – бледнеют/перед нею/.

 [7, 230].

*Фæззæг æвзæрæн – йæ хурхыл хæцæг,
Хорзæн та – удыл хæцæг.* [7, 74].

Осень плохого губит,
Хорошего вдохновляет.

 [7, 230].

*Фæззæг æвзæрæн – удхæссæг,
Хорзæн – цæлгæннæн.* [7, 75].

Осень для ленивого – погубительница,
Для работающего – кормилица.

 [7, 231].

*Уой, фæззæг ралæууыди, ралæууыди,
лæппутæ! –
Хорзæн хосгæнæг, æвзæрæн удхæссæг.* [8, 325]

Ой, пришла осень, пришла, парни! –
Хорошему – целитель, плохому –
душегуб,

 [пер. Д. Дзлиева]

*Фæззæг хорз у, хорз.
Магусайæн йæ удисæг у,
Кусæг лæггæн та — йæ минас,* [ИАС старый с. 326]

Осень хороша, хороша!
Ленивому — она душегуб,
А работающему — его пиршество,
[пер. Д. Дзлиева]

*Уайтад-тайд, фæззæг, дзæбæхтæ дæмæ
Ирайгæ ку кæнунцæ.
Уайтад-тайд, фæззæг, лæгъуэтæ дæмæ
Ивайгæ ку кæнунцæ.* [8, 328]

Уайтад-тайд, осень, хорошие тебе
радуются,
Уайтад-тайд, осень, плохие перед тобой
бледнеют.
[пер. Д. Дзлиева]

Еще одну группу поэтических мотивов образуют вербально-магические тексты, включающие описания лучшего урожая, который впоследствии будет использован только на праздничных мероприятиях:

*Бæркадгун фæззæг, бæркадгун!
Гъолистæвдæн магнауæй гъæздуг æй
Нæ фæззæги фæллæнттæй
Кувдтитæ, мæ хор, кæндзинан! [7, 69]
Истур фæззæг æрцудæй,
Фæззæг ци хуарз æй!
Фæззæг ци гъæздуг æй!
Нæ фæззæги фæллæнттæй
Кувдтитæ кæндзинан [8, 282].*

Обильна она, обильна!
Богата она пшеницей, с запястье толщиной.
Из наших осенних трудов
Пировать, мое солнышко, будем!
Большая осень пришла,
Осень хороша,
Осень богата,
Осенним урожаем
Пировать будем. [пер. Д. Дзлиева].

Несмотря на то, что данный жанр не связан с трудовыми действиями, в тексты песни оказываются включены призывы к работе:

*Гъæйтт, зæгъут, гъæйтт!
Цæй, ракæрдæм хъазуатæй;*

Гэй, скажите, гэй!
Ну, начнем косить, решительно;
[8, 326] [пер. Д. Дзлиева]

*Йа, хуасдзу! Кæрдæ, кæрдæ,
Хуасæй бафсæдай!*

О, косарь! Коси, коси,
Да будет твой покос изобильным!
[8,327] [пер. Д. Дзлиева]

*Цæй, ракосæн, фæсæвæд,
Ракосæн æма гъæздуг тиллæг исесæн!*

Так поработаем же, юноши,
Поработаем и снимем богатый урожай!
[7, 74] [7, 230]

Упоминание в осенних земледельческих песнях мифологических персон из числа божеств и героев эпоса придает происходящему действию космогонический характер. В основном корпусе песен упоминаются только *Уастырджи/Уаскерги* (покровитель мужчин), *Уацилла* (покровитель хлебных злаков и урожая), а также *Фæлвæра* (покровитель домашнего скота). В этой связи стоит отметить, что весьма значимым оказывается и поэтический мотив, связанный с воспроизведением первого покоса (мифологической основы сбора урожая), главными участниками которого являются небожители. Как отмечает М. Элиаде, «недостаточно знать «происхождение», «истоки», необходимо восстановить момент сотворения. Это проявляется через «возвращение вспять», вплоть до восстановления Времени, первоначального, сакрального, времени созидания» [9, 46].

*Уацилла мыггаг тыдта,
Фæлвæра фыййау уыди
Æмаг дынджыр къæдзилджын*

уæрыччытæ

*Кувинагæн куы лæвæрдта.
Уастырджи галтæраг уыди гутоныл!*

[8, 325]

Уацилла семена срывал,
Фалвара пастухом был
И больших хвостатых баранов
Для жертвоприношений давал.
Уастырджи волов погонял за плугом!
[пер. Д. Дзлиева]

Основной корпус источников песен «*Фæззæджы зарæг*» представлен в нотациях [10, ф. Цхурбаевой], аудио записях [11] и публикациях [12]. Представим один из наиболее ярких образцов, который записан в 1961 году Д. Хахановым от Г. Плиева во Владикавказе [11, 05–9].

Фæззæджы зарæг
05-9

♩ = 80

Музыкально-поэтические особенности песен «Фæззæджы зарæг» объединяют немногочисленные напевы, характеризующиеся структурными показателями представленными ниже.

Для анализа композиционного строения нами была разработана буквенная система обозначений элементов песенного синтаксиса с дифференциацией их масштабно-синтаксических объемов. Заглавными буквами обозначаются более крупные единицы песенной речи, соотносимые со стиховой строкой; строчными буквами фиксируются элементы структуры, координирующиеся с полустихиями, например: **A/a, B/b**. Возгласами считаются развернутые построения, имеющие обособленное положение в форме и состоящие из ряда сложных или составных междометий, лексическое значение которых в языке утрачено (см. выше): **V/v**. Учитывая специфику материала, нами также были выделены рефрены: **R/r**.

Одной из особенностей композиции осенних песен является наличие возгласов. Наиболее устойчивы краткие начальные и заключительный возгласы. Они представлены во всех образцах напева:

– Одиночные: «уæй!»; «уой»; «ей».

– Дважды повторенные: «уæ-уæй»; «уой-уой».

Встречаются и другие, более сложные по структуре и состоящие из сцепления краткого возгласа и асемантического возгласа общекавказского распространения *уарайда*:

- «уæ-уæй, уæрæйдæ!»;
- «уой, уой, æмæ уæрæйдæ»;
- «уой, уой, æмæ уæрæйдæ»;
- «ой уæрæйдæ»;
- «уой рæйдæ уой»;
- «ой, уæрæй æмæ уæрæйдæ».

Специфика композиционного строения этой группы песен состоит в том, что развернутые возгласные построения могут замещать отдельные элементы песенной строфики, что видно на следующих примерах:

- возгласом заменена вторая стиховая строка в каждой строфе (отмечен подчеркиванием)

Ой, ой, уæдæ рауалдзæг фæззæг, ой, æмæ æвзæрты удхæссæг.

Ой уæрæйдæ æмæ уæрæйдæ, ой рæйдæ.

Ой, ой, хъæлдзæгæй зæгъ бакусут, лæппутæ, ой!

Ой, ой, уалдзæг зæгъы къуыдырджын у уæй, фæззæг та мæкъуылджын, лæппутæ.

Ой уæрæйдæ æмæ уæрæйдæ, ой рæйдæ.

Ой, ой, хъæлдзæгæй зæгъ бакусут, лæппутæ, ой! [11, А9–2]

Ой, ой, уалдзæг, дам, куыдырджын, ой, ой, фæззæг та мæкъуылджын куыд уа.

Ой, ой, æмæ уæрæйдæ, уæрира.

Ой, ой, хъæлдзæгæй дæр, дам, бакусут, лæппутæ, ой.

Ой, ой, уæдæ рауалдзæг фæззæг, ой, ой, магусаты удхæссæг.

Ой, ой, æмæ уæрæйдæ, уæрира.

Ой, ой, хъæлдзæгæй дæр, дам, бакусут, лæппутæ, ой! [11, 05–9]

- возгласное построение замещает лишь часть стиховой строки второй строфы

Уæ-уæй, уæ фæззæг, дам, ралæуыд, лæппутæ,

Уæй фæззæг, ралæуыд.

Уæ-уæй, уæрæйдæ, ралæуыд фæззæг!

Уæй бакусут, лæппутæ, ей!

Уæ-уæй, дæ къутæр бецыкк, дам, дын,

Уæй дæ хур ауон, фæззæг!

Уæрæйдæ, ралæуыд фæззæг!

Уæ-уæй, уæд фæззæг, дам, ралæуыд, зæгъы, ей! [12, 150]

В первом и втором из обозначенных выше образцов замена второго стиха структурно обособленным возгласным построением и следующий за ним третий стих являются стабильной моделью, что может рассматриваться как развернутый рефрен. Таким образом, модель строфы песенной

композиции выглядит **ABR** где **R=VC**. Также стабильным является и использование возгласов в начале каждого стиха. Например, композицию одного из образцов можно представить следующим образом: **A (va) B (vb) R (Vvc)**. Таким образом, переходя из одной строфы в другую, возгласные построения различной протяженности способствуют формированию мобильной песенной композиции.

Своеобразие слоговой музыкально-ритмической формы «Фæззæджы зарæг» связано с принципиальной нестабильностью музыкального времени каждого из двух слогоритмических периодов. Объем музыкального времени колеблется от 16 до 22 счетных единиц (♩), что в определенной степени обусловлено количеством слогов распеваемого поэтического текста. Ниже представлен пример трех образцов, зафиксированных от различных исполнителей:

ПРИМЕР 2

Особенности музыкального произнесения поэтического текста осетинских песен связаны с дважды повторенными начальными возгласами, в которых наблюдается принцип ритмизации ямбического типа. Количественное соотношение музыкальных времен предполагает более короткий первый слог и более длинный второй. Как видно из примера, также возможно и дробление первого слога.

Ладовое строение напевов «Фæззæджы зарæг» стилистически едино. Они представляют собой простые ладовые системы, которые характеризуются постоянством функций элементов лада и наличием одной центральной опоры. Для описания музыкально-стилевых свойств напевов нами применяется система описания лада, связанная с различением ладовых функций. Элементами лада в анализируемых музыкальных формах являются тоны звукоряда, представленные как унисоном, так и созвучиями терцовой структуры с опорным значением крайних тонов (квинты), что традиционно для осетинского многоголосия: **T** – теза – обозначает основную; **A** – антитеза – фиксирует побочную опору. В свою очередь функция антitezы представлена двумя различными созвучиями – **A1** и **A2** соответственно.

Исходя из этого, обобщенная модель ладового строения «Песни осени» выглядит следующим образом:

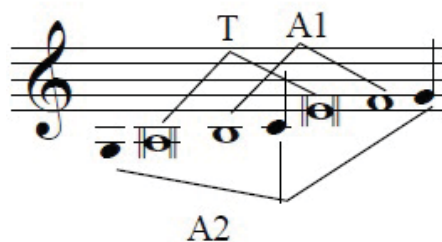
ПРИМЕР 3

Три фразы, соответствующие трем стиховым строкам, построены по принципу смены различных функций. Музыкальная логика первой фразы связана с движением от первой антитезы через вторую антитезу обратно к первой (A1 ° A2 ° A1). Вторая фраза воспроизводит логику движение от первой ко второй антитезе (A1 ° A2), а третья фраза приводит нас к обобщающей тезе через вторую антитезу (A2 ° T). При этом идентичные ладовые функции могут быть представлены различными вариантами строения вертикали (терция, кварта или квинта).

Сводный звукоряд напева разворачивается в объеме октавы. Ладовая дифференциация тонов, входящих в структуру звукоряда, представлена ниже:

ПРИМЕР 4

В рамках приведенного выше звукоряда образуются попевочные звенья, согласующиеся со стиховым членением. Каждая попевка координируется с полустихием. Ладовое развитие напева осуществляется в пяти попевочных звеньях, согласующихся со стиховым членением. Первая и третья попевки строятся как утверждение A1, во второй и четвертой попевке утверждение ладовой антитезы A2 через A1, а пятая попевка выражает ладовую идею A2, активно тяготеющую к T. Вариативность музыкального содержания напева связана с активным варьированием мелодической линии и различными вариантами хорового сопровождения.

Резюмируя аналитические наблюдения над песней *Фәззәджи зарәгг*, отметим, что она являлась одной из составляющих осеннего праздника, посвященного началу жатвы, и выполняла ритуально-магические функ-

ции. Повсеместно осенние песни исполнялись исключительно мужчинами, чаще всего во время или после ритуального застолья. Очевидно, что пели эти песни с верой в вербальную магию, которая должна вызвать в жизни то, о чем поется в песне. По мнению Ф.М. Таказова, «в принципе, элемент заговора/заклинания не столько вкрапление в календарно-обрядовых песнях, сколько отголосок первоначальной семантики мифологической песни» [13, 137]. Упоминания небожителей и героев осетинского эпоса в текстах придавали песням гимническое звучание, отчасти сближая эту группу с эпическими и мифологическими песнями.

Как отмечают исследователи, «возникновение календарной песенности уверенно можно отнести к глубокой древности» [14, 13]. Вполне архаичным предстает и напев «*Фæззæджы зарæг*», на что указывает достаточно узкий диапазон мелодических оборотов, активное использование возгласов и принцип рефренного построения композиции.

В связи с угасанием осенних календарных культов, песни, порожденные древнейшими представлениями и верованиями осетин, стали терять присущее им обрядовое предназначение и в настоящее время присутствуют лишь в репертуаре различных фольклорных ансамблей.

1. Славянские древности: Этнолингвистический словарь. В 5 т. Рос. акад. наук. Ин-т славяноведения и балканистики/под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 1999. Т. 2. 576 с.

2. Таказов Ф. М. Религиозно-мифологическое сознание осетин // Наука вчера, сегодня, завтра. 2016. № 11 (33). С. 143–148.

3. Дзлиева Д. М. Парные пляски в традиционной культуре осетин // Opera Musicologica. 2013. № 3 (17). С. 66–82.

4. Чибиров Л. А. Народный земледельческий календарь осетин. Цхинвали: Ирыстон, 1976. 279 с.

5. Абаев В. И. Как апостол Петр стал Нептуном // Этимология, 1970. М., 1972. С. 322–333.

6. Уарзиати В. С. Праздничный мир осетин. Владикавказ: СОИГСИ, 1995. 232 с.

7. Памятники народного творчества осетин: Трудовая и обрядовая поэзия осетин/сост. Т. А. Хамицаева. Владикавказ: Ир, 1992. 438 с.

8. Ирон адæмон сфæлдыстад/чиныг сарæзта Сæлæгаты З. Дзæуджыхъæу: Ир, 2007. Т. 2. 655 с.

9. Элиаде М. Аспекты мифа. М.: Акад. Проект, 2010. 251 с.

10. Научный архив СОИГСИ. Фонд фольклор.

11. Научный архив СОИГСИ. Фонд искусство.

12. Осетинские народные песни, собранные Б. А. Галаевым в звукоза-

писях, нотированных совместно Б. А. Галаевым и Е. В. Гиппиусом/под ред. и с предисл. Е. В. Гиппиуса. М.: Музыка, 1964. 249 с.

13. Таказов Ф. М. Семизис нарратива мифологических песен-молитвословий осетин // Известия СОИГСИ. 2017. № 26 (65). С. 130–138.

14. Щуров В. М. Жанры русского музыкального фольклора: учеб. пособие для музыкальных вузов и училищ. В 2-х ч. Ч. 1: История, бытование, музыкально-поэтические особенности. М.: Музыка, 2007. 400 с.

Dzlieva, Dzerassa M. – V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Center of the RAS (Vladikavkaz, Russia); gegusa@gmail.com

THE SONG «FÆZZÆDZHY ZARÆG» (AUTUMN SONG) IN THE OSSETIC CALENDRIAL RITUALISM: TYPOLOGY AND MUSICAL STYLISTICS

Keywords: musical folklore, Ossetic folk calendar, calendar songs, Ossetic ethnomusicology.

The Ossetic folk calendar is repeatedly becoming the object of scientific research, but the musical component of the rite remained beyond the scientific interest of researchers. In this article, for the first time, the musical and poetic features of the song «Fæzzædzhy Zaræg» (lit. Autumn Song) performed during the holiday in honor of the first mowing season are considered. The sources for the study were samples from the collections «Iron Adæmon Sfældystad», «Monuments of Ossetic Folk Art», «Ossetic Folk Songs» under the editorship of E. Gippius and B. Galaev, as well as materials from the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies Scientific Archive. The musical material «Fæzzædzhy Zaræg» is presented in the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies Scientific Archive and in the book «The Ossetian Folk Songs». The object of attention in the article is the musical and poetic features of the «Autumn Song». The study carried out an analysis of 10 samples. Musical and poetic originality is noted, special attention is paid to the harmonic, rhythmic and melodic features of the song. General observations also relate to the dynamics of historical development associated with the extinction of the cult and the loss of contexts for the performance of a ritual song. The analysis of the musical component of the autumn holiday in honor of the beginning of haymaking gives the opportunity to draw conclusions that the song was ritually magical and sung with faith in verbal magic. The song also uses calls for work, praise of the hardworking, and ridicule of the lazy. Musical and typological analysis reveals a single musical style «Fæzzædzhy Zaræg» which is characterized by uniform ladoharmonic indicators. The publication is provided with drawings, diagrams and musical examples. Musical material is introduced into scientific circulation for the first time.

REFERENCES

1. Tolstoj, N. I. (red.) *Slavianskie drevnosti: Etnolingvisticheskii slovar. V 5 t.* [Slavic Antiquities. Ethnolinguistic Dictionary. In 5 vols]. Vol. I. Russian Academy

of Sciences Institute of Slavic Studies and Balkan Studies. Moscow, International Relationships, 1999. 576 p.

2. Takazov, F.M. *Religiozno-mifologicheskoe soznanie osetin* [Ossetic Religious and Mythological Consciousness]. *Nauka vchera, segodnia, zavtra* [Science Yesterday, Today, Tomorrow]. 2016, iss. 11 (33), pp. 143–148.

3. Dzlieva, D.M. *Parnye pliaski v traditsionnoi kulture osetin* [Traditional Ossetic Pair Dances]. *Opera Musicologica* [Opera Musicologica]. 2013, iss. 3 (17), pp. 66–82.

4. Chibirov, L. A. *Narodnyi zemledelcheskii kalendar osetin* [Ossetic Folk Agricultural Calendar]. Tskhinvali, Iryston, 1976. 279 p.

5. Abaev, V.I. *Kak apostol Petr stal Neptunom* [How the Apostle Peter Became Neptune]. *Etimologiya* [Etymology]. 1970. Moscow, 1972, pp. 322–333.

6. Uarziati, V.S. *Prazdnichnyi mir osetin* [World of Ossetic Folk Festivals]. Vladikavkaz, North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies, 1995. 232 p.

7. Khamitcaeva, T.A. *Pamiatniki narodnogo tvorchestva osetin: Trudovaia i obriadovaia poeziia osetin* [Heritage of Folk Art of Ossetians. Labor and Ceremonial Poetry]. Vladikavkaz, Ir, 1992. 438 p.

8. Sælægaty, Z. *Iron adæmon sfældystad* [Ossetic Folk Art]. *Dzæudzhikhæu*, Ir, 2007, vol. 2. 655 p.

9. Eliade, M. *Aspekty mifa* [Aspects of Myth]. Moscow, Academic Project, 2000. 224 p.

10. *Nauchnyi arkhiv Severo-Osetinskogo instituta gumanitarnykh i sotsial'nykh issledovaniy (NA SOIGSI)* [Scientific archive of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies]. Fund Folklore.

11. *Nauchnyi arkhiv Severo-Osetinskogo instituta gumanitarnykh i sotsial'nykh issledovaniy (NA SOIGSI)* [Scientific archive of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies]. Fund Art.

12. Gippius, E.V. *Osetinskie narodnye pesni, sobrannye B.A. Galaevym v zvukozapisiakh, notirovannykh sovместно B.A. Galaevym i E. V. Gippiusom* [Ossetic Folk Songs compiled by B.A. Galaev in Sound Recordings Jointly Notified by B.A. Galaev and E.V. Gippius]. Moscow, Music, 1964. 249 p.

13. Takazov, F.M. *Semiosis narrativa mifologicheskikh pesen-molitvoslovii osetin* [Semiosis of Narrative of Mythological Song Prayers of Ossetians]. *Izvestiia SOIGSI* [Proceedings of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies]. 2017, iss. 26 (65), pp. 130–138.

14. Shchurov, V.M. *Zhanry russkogo muzykal'nogo folklora: Uchebnoye posobiye dlya muzykal'nykh vuzov i uchilishch. V 2-kh chastyakh* [Genres of Russian Music Folklore. Textbook for Music Universities and Colleges. In 2 parts]. *Chast' 1: Istoriya, bytovanie, muzykal'no-poeticheskie osobennosti* [Part 1. History, existence, musical and poetic features]. Moscow, Music, 2007. 400 p.